

Я. Л. Забудская, И. В. Тресорукова
(МГУ им. М. В. Ломоносова)

ЗООНИМИЯ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале лексемы ‘бык’)

В статье рассматривается семантика и структура древнегреческих фразеологических единиц (ФЕ) с лексемой *βοῦς*. Многие ФЕ, содержащие эту лексему, демонстрируют структурную и семантическую неустойчивость, так как в перечнях паремнографов фиксируется одно значение, в художественном употреблении – другое, что зачастую затрудняет правильное толкование ФЕ. Проанализированный зооним обнаруживает амбивалентность и смену амплуа, что подтверждает такое его свойство, как «открытость», и создает предпосылки для оценки античной языковой картины мира через призму конкретных ФЕ с компонентом-зоонимом.

Ключевые слова: фразеология, паремия, древнегреческий язык, зооним.

Y. L. Zabudskaya, I. V. Tresorukova
(Lomonosov Moscow State University)

Zoonyms in ancient Greek phraseology (on the material of the lexeme ‘bull’)

The specific use of *βοῦς* and *ταῦρος* outside the frames of paroemiography is a way of identifying gender differences. At the same time, *βοῦς* is the main element in terms-collocations for naming flora and fauna: *βοῦς ἄγριος*, *βοῦς ἐν Συρία*, *βοῦς ἐν Παιονία*, *βοῦς θαλάσσιος*, *βοῦς ὄμινα*. In turn, *ταῦρος* is a part of mythological collocations: *Κρής ταῦρος*, *Ταῦρος Αἰθιοπικός*.

The main component of ancient Greek phraseological units with the lexeme ‘bull’ is *βοῦς* (there are only three late expressions with the word *ταῦρος*).

The meaning of phraseological units has changed throughout antiquity and was not something frozen even in fixed lists of «paroemiae» (a possible explanation is the absence of such an important factor for the characterization of phraseological units as reproducibility). Relevant zoonymic signs for the ‘bull’ lexeme are the connection with plowing and sacrifice; and the external signs such as size, sluggishness, and horns become relevant only for late paroemiography.

The understanding of the proverb and the possible ways of its semantic development are complicated when interpretations contradict each other. The idiom *βοῦς ἐπὶ φάτνῃ* in Hesychius and Philostratus is interpreted as a description of a sudden and non-heroic death, whereas in the Chrysocephalus’ list it is understood in an opposite way, namely as pertaining to ‘those who came to something habitual and pleasant’. The

idiom *βοῦς ἐν πόλει* ('bull in the city') is translated in LSJ by the idiom 'bull in a china-shop', however, both Diogenian and Gregory of Cyprus explain it as *ἐπὶ τῶν θανατοῦμένων*, and Hesychius also refers to the comedy saying about the bull-statue. Thus, the correct meaning is 'surprising (by inappropriateness)', moreover, since we are talking about a statue, *βοῦς* in this expression is not quite a zoonym.

Most of ancient Greek phraseological units (PUs) belong to the type of idioms and speech formulas. At the same time, many PUs demonstrate structural and semantic instability: one explanation (possibly erroneous) is recorded in the paroemiographers' lists, another one appears in texts. It especially concerns «winged» expressions of literary origin. Thus, the analyzed zoonym reveals its ambivalence. The ancient Greek material confirms that zonyms possess a particular feature, a kind of «openness».

Keywords: phraseology, paroemia, zoonym, idiom.

Введение

Устойчивые выражения представляют особый интерес для исследований с точки зрения изучения национальных языковых картин мира, и фразеологический состав языка напрямую связан с мировидением народа-носителя языка (Telia 1996: 214). Фразеологические единицы (ФЕ) возникают в национальных языках на основе такого образного представления действительности, которое отображает обиходно-эмпирический, исторический или духовный опыт языкового коллектива, который связан с его культурными традициями (Telia 1996: 214). В языке закрепляются и фразеологизируются прежде всего те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами, мифологемами и т. п., и именно во фразеологии в наибольшей степени отражена неповторимость образных систем национальных языковых картин мира.

Специфика национального восприятия передается семантической структурой ФЕ и главным образом благодаря единству ее основных составляющих: фразеологического значения и внутренней формы, образной основы, в которую инвариантное значение ФЕ кодируется языковым сознанием (Melerovitch, Mokienko 2008: 261–262). В идиомах, а также в пословицах и поговорках, благодаря их глубокой образности, прозрачности внутренней формы, «с удивительной выразительной силой запечатлелась «картина мира», сложившаяся в представлении «обобщенного» человека» (Shuvalova 1998: 103).

ФЕ в значительной степени состоят из элементов экспрессивно-оценочной лексики, которая формирует образный строй языка, и среди всего прочего главную роль играют собственно образные слова или образные выражения, идиомы и речевые

формулы. Такого рода конструкции (Yurina 2008: 85) формируют т. н. метафорическую модель в языке, именуя одну понятийную область в терминах другой области, так как символы, будучи минимальными знаками культурного кода, находят свое воплощение в содержании различных языковых знаков и ФЕ в том числе.

В корпусе экспрессивно-оценочной лексики на данном этапе интерес представляют зоонимы как средство для формирования образной характеристики человека и явлений окружающего его мира (Broslavskaya 2001: 49). Зоонимы могут функционировать в качестве самостоятельных лексических единиц, а также могут входить в состав различных идиом, пословиц, поговорок, где они могут функционировать в качестве человекозначащих или вещьзначащих метафор (ср., напр., рус. *мышиня возня*, *собаку съест в чём-либо* и др.).

Зоонимы, как и вся оценочная лексика любого языка, способствуют выражению чувств, реакций, эмоциональной жизни человека в целом, формируя и обозначая ценностную картину мира: оценку предметов по этическим и эстетическим нормам данного языкового коллектива (ср. напр. *лиса* (= *хитрец*), *осел* (= *глупый*), *козел* (= *упрямый*) и т. п.). Предикативно-характеризующий семантический вариант включает в себя в качестве основы номинативный, к которому добавляется ещё значение (сема) характеристики, что усложняет структуру варианта и вносит в неё качественное изменение. В то же время лингвистическая специфика этого значения проявляется в том, что содержание характеристики обусловлено не столько качествами реального внелингвистического объекта (в данном случае животного), сколько качествами, которые приписываются этому объекту коллективным языковым сознанием. Язык регистрирует, закрепляет эти качества как свойственные денотату (объекту, как он отражён в языке), что позволяет регулярно использовать название объекта как эталон определённых качеств (Litvin 1984: 180).

Появление у зоонимов антропоцентрических приращённых смыслов, включение зоонимов в состав фразеологии свидетельствует о субъективном признании языковой личностью значимости животных в общей интерпретационной картине мира, что определяется традиционной моделью переноса качеств животных на человека и наоборот. Иными словами, анимализм всегда остаётся тем смыслообразующим фоном, на котором формируются языковые и культовые стереотипы (Maslova 1997: 128).

В данной статье представляется интересным рассмотреть фразеологический материал древнегреческого языка с общим тематическим компонентом-зоонимом *бык*, описанный греческими паремиографами.

Несмотря на то, что в позднеантичных текстах, как будет показано далее, обозначение ФЕ сводится к термину *παροιμία*, за основу классификации анализируемых ФЕ мы принимаем теорию, предложенную российскими учеными А. Н. Барановым и Д. О. Добровольским (Baranov, Dobrovol'skiy 2013), где ФЕ делятся на:

- идиомы
- коллокации, устойчивые словосочетания
- грамматические фразеологизмы
- синтаксические фразеологизмы
- паремии

Понятие *фразеологическая единица* в древнегреческой традиции

Основным источником наших знаний о древнегреческой фразеологии являются труды паремиографов позднего эллинизма (по большей части времен Адриана): Зенобия (по свидетельству Суды, он переработал собрание, созданное Дидимом и Луциллом (Лукием) Таррейским), Диогениана, Плутарха, а также византийских авторов – Григория Кипрского и Михаила Апостолия, изданные в *Corpus paroemiographorum graecorum* (Leutsch, Schneidewin 1839–1851). Поскольку материал (как сами пословицы, так и их толкование) у большинства паремиографов совпадает, мы рассматриваем их труды как единый источник (разумеется, с указаниями на расхождения в формах выражения и толкования).

К понятию *παροιμία*, как уже было сказано, в позднеантичной терминологии сводится все современные обозначения ФЕ. В ранней греческой литературе в схожих значениях используется *ἔπος*, *λόγος*, *αἶνος*, реже *φάτις* (Lardinois 2001: 94 n. 4), но разнообразные оттенки значения каждого из этих слов не позволили сформироваться значению терминологическому, и в эпоху классики появились новые выражения: *παροιμία*, *γνώμη*, *ἀπόφθεγμα* (Russo 1997: 50, Lardinois 2001: 94). В «Риторике» Аристотеля в качестве основного термина выделяется *γνώμη*: если *ἀπόφθεγμα* – это просто ‘высказывание’ (2.21.8), а *παροιμία* – именно ‘пословица’ (2.21.12.), то *γνώμη* – это

‘изречение’ с функцией убеждения (Tererik 1985: 160). Аристотель отмечает и разнообразие структуры гномических высказываний – «с эпилогом» (разъяснением, доказательством) или без него (2.21.7). Однако аристотелевское стремление к классификации не нашло отклика у поздних паремиографов, и все типы фразеологических высказываний были объединены под общим термином *παροιμία*. Исключение составил *αἶνος*: при указании на многозначность этого слова (от ‘похвалы’ (Суда 230) до ‘загадки’ (Светоний «Об играх греков» III, 3) в рамках паремиографии *αἶνος* стал означать изречение, содержащее зооним и предполагающее поучение (Диогениан, I)¹.

Надо сказать, что древнегреческая фразеология не часто становится предметом изучения: после работ конца XIX–начала XX в., посвященных главным образом ФЕ, встречающимся у отдельных авторов, главным образом у трагиков (Lardinois 2001: 93 f 2), только во второй половине XX в. появилась несколько статей, посвященных отдельным аспектам изучения греческой фразеологии (Huxley 1981; Kindstrand 1978; Russo 1983; 1997), а также книги, дополняющие традиционный перечень паремий (Strömberg 1954; Lardinois 1995)². Сложность описания древнегреческой фразеологии как системы заключается в расхождениях между сложившимися перечнями паремий и их применением в дошедших до нас художественных текстах: паремиографы описывают устную или не доступную нам литературную традицию, при этом в дошедших текстах встречаются выражения, похожие на ФЕ, но не включенные в перечни Зенобия или Диогениана. В качестве примера можно привести выражение *Ἡ Καννία βοῦς* (букв. ‘каннийская корова’) – ‘о тех, кто губит достигнутое большим трудом’: у паремиографов это выражение объясняется как конкретный случай (‘у нее надоили много молока, но она пнула и опрокинула’) – но ни упоминания этого эпизода в текстах, ни примеров употребления поговорки

¹ Стоит отметить, что и в терминологии современной греческой лингвистики к разряду паремий (*παροιμίες*) относятся ФЕ, которые характеризуются как *παροιμίες* (‘пословицы’), *αλοφθέγματα* (‘изречения’) и *ἔλα πτερόεντα* (букв. ‘крылатые выражения’), причем первые представляют собой по структуре классическую двухчастную модель пословицы, вторые являются заимствованиями из различных произведений мировой культуры, в то время как к последним чаще всего относят ФЕ, пришедшие из античной литературы и библейской традиции.

² Лингвистические аспекты изучения пословиц рассматриваются в Lazaridis 2007.

не обнаруживается. При этом выражение *ἔβα ποκὰ ταῦρος ἀν' ὄλαν* ‘бык отправился в лес’ у Феокрита (Idyll. 14, 43)³ обозначенное как *αἶνος*, встречается только у паремнографа XV в. Михаила Апостолия (X 93), и то с изменениями (объяснением может быть изобилие дорических форм, препятствующее универсальности поговорки).

Фразеологические единицы с компонентом-зоонимом *бык*

Следует отметить, что *βοῦς* (‘бык’) как компонент-зооним является в рамках данного семантического поля основной лексемой и употребляется с частотностью, примерно в 2 раза превышающей *ταῦρος*. Другие лексемы, означающие ‘теленочек’ или ‘телица’ (*δάμαλις*, *δαμάλη*, *μόσχος*, *πόρτις*), употребляются значительно реже и не участвуют в формировании ФЕ.

Специфика применения *βοῦς* и *ταῦρος* вне собственно паремнографии, – это способ обозначения гендерных различий (у Гомера для обозначения мужского рода *ταῦρος* добавляется к *βοῦς* (ср. напр. *ὡς δ' ὄτ' ἀνήρ ταύροιο βοῦς μέγαλοιο βοείην* II. XVII. 389)). Яркий литературный пример – сцена пророчества Кассандры в «Агамемноне» Эсхила (*ἄπεχε τῆς βοῦς / τὸν ταῦρον* ‘уберите быка от коровы’: в данном случае *ἡ βοῦς* – это Клитемнестра). Похожее словоупотребление мы видим у Плутарха (De prov. Al. 9 6): ‘говорят, что Пасифая, влюбленная в быка, упросила Дедала сделать деревянную корову’ (*Πασιφάην φασὶν ἐρασθεῖσαν ταύρου Δαίδαλον ἰκετεῦσαι, ποιῆσαι ξυλίνην βοῦν*).

При этом именно *βοῦς* (индоевропейское *g^wóws) является основным элементом в коллокациях, по сути представляющих собой термины для наименования различных представителей флоры и фауны: ср., напр., *βοῦς ἄγριος* ‘буйвол’, *βοῦς ἐν Συρία* ‘зебу’, *βοῦς ἐν Παιονία* ‘тур’, ‘боевой бык’, *βοῦς θαλάσσιος* ‘средиземноморский рогач’ (вид ската), *βοῦς ὄμμα* ‘зониум древовидный’ (растение). В свою очередь *ταῦρος* (индоевропейское *táwros или семитское *θawr-) входит в коллокации мифологического происхождения: *Κρής ταῦρος* ‘критский бык’ (отец Минотавра, побежденный Гераклом и сраженный затем Тезеем)

³ Комментарий схолиаста (*παροιμία ἐστὶ διὰ τὸ τοὺς Κενταύρους ὄλης ἐπιλαμβανομένους ἀλήπτους εἶναι* ‘поговорка относится к кентаврам, в лесах неуловимым’ (Cholmeley 1901)) представляет собой пример «народной этимологии»: происхождение слова ‘кентавр’ связывается не с *ταῦρος*, а с *κεντ-* и *αῦρα* (Chantraine 1969: 515).

и *Ταῦρος Αἰθιοπικὸς* ‘эфиопский бык’, плотоядное существо, превосходящее размером обычного быка и с непробиваемой шкурой (Ael. De nat. animal. XVII 45, Plin. Nat. Hist. XIII 74).

Как показывает проведенный анализ, в ФЕ главным формантом выступает *βοῦς*, а с компонентом *ταῦρος* зафиксировано только три паремии, причем поздние: одна встречается у Хировоска (V в.), и две – у Михаила Апостолия (XV в.)⁴. Традиционно материал у паремииграфов размещается по алфавитному принципу (с некоторыми нарушениями: так, и у Зенобия, и у Диогениана паремии, начинающиеся с *βοῦς*, перечисляются в числе ФЕ, в которых после β могут следовать α, υ, ω, ι). Современные принципы описания ФЕ дают возможность компоновки по структурным (существительное + согласованное определение, существительное + несогласованное определение, выражение с глаголом, двусоставное выражение) или классификационным (идиома, паремия, коллокация, пословица, поговорка) признакам, однако в данной работе выбран принцип не формальный, а содержательный, дающий возможность рассмотреть развитие зоонимической семантики.

Основным семантическим фактором в ФЕ с лексемой ‘бык’ ожидаемо оказывается работоспособность животного, а связанные с ней обстоятельства (медлительность, эффективность/неэффективность, усталость и т. п.) формируют положительные или отрицательные коннотации. Самое простое по форме и семантике – это выражение *βοῦς ὑπὸ ζυγόν*, букв. ‘бык в ярме’, о тех, кто трудится без усталости. Похожее на него выражение *βοῦς εἰς ἄμητον* и его расширенные версии *βοῦς ἄμητον ἐπιτηρῶν* и *βοῦς ἄμητον ἐπιτηροῦντες* ‘волы, ждущие жатвы’, толкуется у Зенобия (II, 82), а вслед за ним у Суды (461), как высказывание *ἐπὶ τῶν μετὰ ἐπιμελείας καμνόντων* ‘о тех, кто переутомляется, помогая’, то есть с некоторой отрицательной коннотацией, равно как и пословица *Ἡ ἄμαξα τὸν βοῦν πολλάκις ἐκφέρει* ‘повозка вола тянет’ – *ἐπὶ τῶν πασχόντων, ἃ πολλάκις αὐτοὶ ἐποίουν* ‘о тех, кто страдает от собственных действий’. К той же группе ФЕ примыкает и упомянутая выше *Καννία βοῦς*.

Похожая семантика присутствует в паремиях *Τὸν θ<έ>λοντα βοῦν ἔλαυνε, τὸν μὴ θέλοντα ἔα* (Эзоповы паремии 112, 1) ‘жела-

⁴ Исходя из тезиса, что фразеология отражает этнокультурное мироощущение и значимость соответствующей лексемы в ценностной картине мира, можно предположить, что *ταῦρος* долгое время воспринимался как нечто чужеродное.

ющего быка погоняй, нежелающего – отпусти’ и *Εἰ μὴ δύναιο βοῦν, ἔλαυνε ὄνον* ‘Не можешь быка – погоняй осла’ (Диогениан II 58). На медлительность в работе указывает коллокация *Ἀτρέμας βοῦς* ‘неподвижный бык’, толкуемая Диогенианом (III 215) *ἐπὶ τῶν βραδέως συντελούντων* ‘о медленно работающих’. Значение «бык-работник» отражает и пословица *Βοῦς ἀλλότριος τὰ πολλὰ ἔξω βλέπει* ‘Чужой бык смотрит на сторону’ – ‘о тех, кем пренебрегали другие, и теперь отворачивающихся от заботливых хозяев’ (Зенобий II 82).

На первый взгляд схожими являются идиомы *Καὶ βοῦς ἀρότης γέγονα* и *Πᾶσα βοῦς ἀροτριᾶ*, приведенные Хрисокефалом (V, 6 и VI, 91). Однако первая толкуется скорее в положительном смысле ‘И бык стал пахарем – о многознающих и много трудящихся’ (*ἐπὶ πολυμαθοῦς καὶ ἐπὶ πολλὰ πονήσαντος*), в то время как вторая, ‘всякая корова пригодна для пахоты’, – с оговоркой, что выражение используется для оскорбления женщин (*ἔοικεν ἐπ’ αἰσχροῦτι πρὸς τὰς γυναῖκας εἰρήσθαι*). Очевидно, что упомянутое выше различие в гендерных обозначениях оказывается семантически значимым только для второй фразы (где оно поддерживается формой *πᾶσα*), однако, если предположить его и в первой идиоме, ее смысл окажется иным.

Отрицательную коннотацию предполагает идиома, зафиксированная во фрагменте Кратина *βοῦς ἐν ἀυλίῳ* (дополняемая *ἐν ἀυλίῳ κάθηται* или *ἐν ἀυλίῳ γέρων*, а у Хрисокефала сокращенная до формы с согласованным определением *βοῦς ἐναύλιος*), ‘бык в стойле’, означающая слабость, праздность или бесполезность (*παροιμία ἐπὶ τῶν ἀχρήστων* букв. ‘пословица о бесполезных’). Похожее толкование имеет у Диогениана (III 86) выражение *Γηρᾶ βοῦς, τὰ δ’ ἔργα πολλὰ τῷ βοῖ* букв. ‘бык стареет, а дел у него много’ (*ἐπὶ τῶν γεγηρακότων καὶ μηκέτι χρησιμευόντων* – ‘о состарившихся и более не пригодных’). Сходство с ямбами (в начале строки распушенными, как бывает в комедии) наводит на мысль о цитате, однако автор не указывается. Видимо, мы имеем дело с неаттрибутированной цитатой, или же поговоркой, имитирующей драматический ямб (метризованные поговорки составляют довольно большую группу древнегреческих паремий – например, цитатой из Менандра считается паремия *Ἀμνημονεῖ γὰρ ταῦρος ἀργήσας ζυγοῦ* ‘Бездействующий бык забывает о ярме’). На ямбическую цитату похожа и паремия *Σοφὸν ὁ βοῦς ἔφασκε δ’ ἀστράβην ἰδὼν* букв. ‘бык благоразумно высказал при виде седла’ (отказался от седла?), разъясненная Хрисокефалом (VII 75) *οὐ προσήκειν αὐτῷ τὸ σκεῦος* – ‘не

подходит ему утварь' (деревянное седло *ἀστράβη* использовалась для езды на мулах). Еще одно выражение, напоминающее цитату поэтической формой *δόμοισιν – Γέρων βοῦς ἀλένθητος* *δόμοισιν* букв. 'старого быка не оплакивают' с разъяснением *ἐπὶ τῶν καθ' ὄραν τελευτησάντων* 'о вовремя (по возрасту) умерших' повторяется у Зенобия и Диогениана, а затем у Суды, Фотия и Апостолия. Впрочем, даже с добавлением *ἐν* у Григория Кипрского ямбическое строение выражения остается спорным, и ни в одном поэтическом тексте ничего похожего (даже в измененном и метрически более правильном виде) не встречается, так что здесь «литературность» – скорее всего не цитата, а ее имитация. Более удачно метрически выстроена фраза *Ἔοικα βοῦς ἐπὶ σφαγὴν μολεῖν* ('подобно быку, пришедшему на заклание'), приводимая у Диогениана (III 73) и в Appendix proverbiorum II, 73 без объяснений и без указаний на возможный источник цитаты. Семантически она примыкает к следующей группе ФЕ, отражающих связь зоонима с обрядом жертвоприношения.

Эта семантика объясняет следующие идиомы: *Βοῦς ὁ Μολοττῶν* 'порубленный на мелкие кусочки' (как делают молоссы во время празднеств) и *Λοκρικὸς βοῦς*, что означает 'дешевая подделка', так как локры за недостатком быков приносят в жертву их изображения из дерева (обычай жителей южноиталийского города способствовали возникновению многих поговорок). Идиома *βοῦς ἑβδομος* букв. 'седьмой бык' описывает, по мнению паремнографов, людей «бесчувственных» (*ἐπὶ τῶν ἀναισθητῶν* букв. 'о бесчувственных'): так называлась лепешка с вырезанным полукругом, похожая на луну (и на рога быка), которую приносили в жертву седьмой, после настоящих мелких животных и птиц. Бык как самый крупный объект жертвоприношения – основа двух схожих выражений *κατὰ βοῦς εὖχου* и *Μηδὲν κατὰ βοῦς εὖξῃ*. В идиоме *κατὰ βοῦς εὖχου* 'клянись над быком (принося в жертву быка)' паремнографы объясняют *κατὰ βοῦς* как *μέγα* (Диогениан V 90, Григорий Cod. Mosq. III 105), то есть «давать очень важный обет». Это выражение, судя по всему, является частью паремии *Μηδὲν κατὰ βοῦς εὖξῃ* 'не всего можно добиться, клянясь быком', толкуемой Диогенианом (VI 55) как *μὴ πάντα ἐπιτρέπειν ταῖς εὐχαῖς* 'не все (следует) предоставлять клятвам (молитвам)'. В словаре Суды (968) паремия обретает вид *μὴ πάντα κατὰ βοῦς ἕξεις* 'не всего можно достичь с помощью обетов', а в Adagia Эразма Роттердамского мы видим контаминацию *Μὴ κατὰ βοῦς εὖχου*

(*Ne contra bouem opta*), толкуемую как ‘не пытайся добиться чего-нибудь обетами’⁵.

Отсутствие достаточной сообразительности отражается в нескольких ФЕ, значение которых варьируется от простой непонятливости *Βοῶν ὧτα ἔχετε* букв. ‘у вас уши быков’ (Mich. Apostolii V 13) до слабости *Ἀλώπηξ τὸν βοῦν ἐλαύνει* букв. ‘лиса погоняет быка’ (Диогениан II 74 – *ἐπὶ τῶν δολερῶν καὶ μικρῶν, ὁμῶς δὲ μεγάλους καταγωνιζομένων [ἄφρονας]* ‘о хитрых и слабых, которые используют сильных и неразумных’) и даже причинения себе вреда *Βοῦς ἐφ’ ἑαυτῷ κονιεῖται* ‘бык пылит сам на себя’, *Βοῦς ἐπὶ δεσμά* ‘бык {сам идущий} на цепь’ и, наконец, *Ἐκ τοῦ βοῦς ἡ μᾶστιξ*, дополненная Хрисокефалом (I 379) *καὶ βοῦν δέρει* букв. ‘и быка дерет’ и применимая к тем, кто действует против себя.

Значение некоторых ФЕ обусловлено темой еды: *βοῦς Κύπριος*, букв. ‘кипрский бык’ (описываемый как копрофаг) означает ‘неразборчивый в пище’, *βοῦς ἐπὶ σωρῶ* букв. ‘бык возле кучи’ – об испытывающих удовольствие. У Михаила Апостолия (XII 11) появляется поговорка *μένε βοῦς ποτὲ βοτάνην* букв. ‘жди теперь бык траву’, означающая, судя по толкованию (*ἐπὶ τῶν βραδέων*) что-то вроде «шапочного разбора». У более ранних паремиографов (Зенобия и Диогениана) она не встречается, но имеет некоторое сходство (скорее по структуре, чем по значению) с одной из т.н. «эзоповых паремий» (143, 1) *Ποτὲ βοῦς, ποτὲ βοτάνη* – букв. ‘где бык, там и трава’.

Случаи, когда паремиографы противоречат себе и друг другу, иногда затрудняют понимание фразеологизма и возможных путей развития его семантики. Так, идиома *βοῦς ἐπὶ φάτνῃ* (букв. ‘бык у яслей’, варианты *ἐπὶ φάτνης/ ἐπὶ φάτνην*) у Гесихия и Филострата (Im.2.10.4) толкуется как описание внезапной и негероической гибели (в сопоставлении с судьбой Агамемнона, видимо, не без влияние все того же Эсхила и тех параллелей, которые проводит с судьбой Атрида Кассандра), а в перечне паремий Хрисокефала – как относящееся к тем, ‘кто пришел к чему-то привычному и приятному’, – то есть со значением прямо противоположным. Подобная инвариантность может толковаться и как подвижность значения фразеологизма в силу

⁵ Chiliadis secundae centuria IX, 1883 (Erasmus 1988): *non esse vitam instituendam iuxta votum animi neque quiduis sperandum a superis, sed vt ea duntaxat sibi quisque promittat, quae possit industria consequi*. Аналог: «на бога надейся, а сам не плошай».

его распространенности, и как непонимание его поздними паремииографами.

В качестве отдельной группы можно рассмотреть ФЕ, где зоонимия оказывается под вопросом, так как зооним представляет собой переменный элемент в составе ФЕ. Один из примеров представляет собой ФЕ *βοῦς ἐπὶ γλώσση* букв. ‘бык на язык’, находящая (что само по себе редкий для паремии случай) несколько параллелей в литературе, первой из которых является пролог «Агамемнона» Эсхила (Ag. 36-37 *βοῦς ἐπὶ γλώσση μέγας / βέβηκεν* ‘огромный бык наступил на язык’). Однако в различных примерах употребления нельзя не отметить расхождение как в отдельных лексических единицах и грамматических формах (у Феогнида (Theogn. 815) есть *βοῦς ἐπὶ γλώσση*, но глагол отличается приставкой и грамматической формой *ἐπιβαίνων* с добавлением *κρατερῶι ποδί* букв. ‘сильной ногой’; у Софокла (Soph. Oed. C. 1051 ff) меняется ‘бык’ на ‘ключ’, причем ‘золотой’ (*χρυσέα κλῆς* букв. ‘золотой ключ’); в еще одном фрагменте Эсхила (fr. 626 line 5; fr. 316 Nauck) тот же ‘ключ’ (*κλείς*) вместо ‘быка’, глагола нет совсем (он заменен на описательное *ἐστὶ φύλαξ* букв. ‘есть сторож’), и от исходной для нас поговорки остается только *ἐπὶ γλώσση* – в отличие от фрагмента Страттида (Strattis fr. 67), где нет как раз *ἐπὶ γλώσση*, но есть и *βοῦς μέγας*, и глагол *ἐπιβαίνει*), так и в объяснении происхождения высказывания: *βοῦς* в некоторых вариантах употребления поговорки заменяется на ‘ключ’ или ‘кнут’, а ‘бык’, возможно, означает не животное, а монету⁶. Кроме того, все элементы этой ФЕ довольно подвижны, и данный случай можно рассматривать как синтаксический фразеологизм, видоизменяющийся в зависимости от контекста, где переменными компонентами являются ‘бык’ и ‘ключ’ (Zabudskaya 2009).

Идиома *Βοῦς ἐν πόλει* букв. ‘бык в городе’ переведена в LSJ идиомой ‘bull in a china-shop’ (русский аналог – ‘слон в посудной лавке’). Однако и Диогениан, и Григорий Кипрский приводят разъяснение *ἐπὶ τῶν θαυμαζομένων*, а Гесихий (970) – еще и отсылку к комедии, где говорится о статуе быка. Таким образом, правильное значение – ‘вызывающий удивление

⁶ Позднеантичная традиция (Pollux IX 61, Hesychius ad loc., Зенобий) объясняет это молчание как «оплаченное», видимо, на том основании, что аттическая серебряная монета имела изображение быка. Френкель (Fraenkel 1950: 23) ключевым считает значение тяжести, а «оплату» – лишь вытекающей из контекста в случае с дистихом Феогнида.

(своей неуместностью)», к тому же, поскольку речь идет о статуе, *βοῦς* в данном выражении не совсем зооним⁷.

Также о статуе идет речь и в пословице *Ἄθως καλύπτει πλευρὰ Λημνίας βοός* букв. 'Афон касается бока лемносской коровы', т. е. тень горы Афон доходит до Лемноса и находящейся там мраморной (по Плутарху – медной) статуи. Выражение, представляющее собой цитату из неизвестной трагедии Софокла (fr. 776, fr. 708 Nauck) описывается как всем известное (т. е. «крылатое») у Плутарха (935 f *τὸ τεθρυλημένον ἱαμβεῖον ... πολλακίς ἀκηκόαμεν* 'общеизвестный ямб, который мы часто слышали'), однако не входит ни в его собственную подборку поговорок, ни в перечни Зенобия и Диогениана, но появляется у Хрисокефала (I, 46), Григория (I, 73), Апостолия (I, 57), в словаре Суды (749) и в комментарии к Гомеру Евстафия (Comm. ad Homeri Iliadem vol. 3 624). Значение этой пословицы толкуется по-разному: для Плутарха это практическое подтверждение возможного размера тени, отбрасываемой высоким предметом, у Евстафия – поговорка о высоком, касающемся чего-то малозначительного, а у поздних паремнографов – описание вредящих соседей (*ἐπὶ τῶν βλαπτόντων ἐκ γειτνιάσεως* 'о вредящих в силу соседства').

Приведенные выше примеры показывают, что смысловое наполнение ФЕ менялось на протяжении всей античности и не являлось чем-то застывшим даже при наличии фиксированных списков «паремий» (возможное объяснение – отсутствие такого важного для характеристики фразеологизмов фактора, как воспроизводимость). Релевантными зоонимическими признаками для лексемы бык являются связь с пахотой и жертвоприношением, а внешние признаки – размер, неповоротливость, рога, – становятся актуальными только для поздней паремнографии. На материале ФЕ с лексемой бык подтверждается и тезис (Russo 1983: 125) о простоте языкового оформления древнегреческих паремий – примером аллитерации может служить разве что поговорка Эсхила *βοῦς ... βέβηκεν*, но это может быть отражением более общего принципа поэтики «отца трагедии». Более всего древнегреческих ФЕ относится к типу идиом и

⁷ Похожий случай неточности в LSJ – трактовка *βοῦς λύρας* как идиомы *pearls before swine*. Афинея (VIII 41 61) приводит ее как шутку Стратоника, относящуюся к кифареду по прозвищу «Бык» и представляющую собой переделку идиомы *ὄνος λύρας*: таким образом, мы имеем дело не с идиомой, а с окказионализмом, имеющем черты лишь опосредованного зооморфизма.

речевых формул. При этом многие конструкции содержат переменные элементы, т. е. являются синтаксическими фразеологизмами. Помимо структурной неустойчивости, древнегреческие ФЕ иногда демонстрируют и неустойчивость семантическую: в перечнях паремиографов фиксируется одно значение (возможно, ошибочное⁸), в художественном употреблении – другое, в особенности это касается «крылатых» выражений, имеющих литературное же происхождение. Зооним, таким образом, обнаруживает амбивалентность и смену амплуа; на материале древнегреческого языка подтверждается такое свойство зоонима, как «открытость».

Литература

- Baranov A. N., Dobrovol'skiy, D. O. 2008: *Aspekty teorii frazeologii* [*Aspects of Theory of Phraseology*] Moscow: Znak.
- Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. 2008: *Аспекты теории фразеологии*. Москва: Знак.
- Broslavskaya E. M. 2001: [Ethnocultural characteristics of zoonyms in Russian, Ukrainian and English languages]. *Vestnik MSU*. Vol. 4, No. 6, 49–52.
- Брославская Е. М. 2001: Этнокультурные особенности зооморфизмов в русском, украинском и английском языках. *Вестник МСУ*. Т. 4. № 6, 49–52.
- Chantraine, P. 1969: *Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris.
- Cholmeley, R. J. 1901: *The Idylls of Theocritus*. Edited with Introduction and Notes by R. J. Cholmeley, London: George Bell & Sons.
- Erasmus 1988: *Opera Omnia*, Volume: II–4. Brill.
- Fraenkel, E. 1950: *Aeschylus Agamemnon*. Ed. with a commentary by Eduard Fraenkel. Vol. 2. Oxford, Clarendon Press.
- Lardinois, A. 2001: The wisdom and wit of many: The orality of Greek proverbial expressions. In: *Speaking Volumes: Orality and Literacy in the Greek and Roman World*. E. Minchin, J. Watson. 93–107.
- Lardinois, A. 1995: *Wisdom in Context: The Use of Gnomie Statements in Archaic Greek Poetry*. Princeton University.
- Leutsch, E. L., Schneidevin, G. G. 1839–1851: *Corpus paroemiographorum graecorum*. Tomus I–II (I. Zenobius. Diogenianus. Plutarchus. Gregorius Cyprius. Cum appendice proverbiorum. II. Diogenianus. Gregorius Cyprius. Macarius. Aesopus. Apostolius et Arsenius. Mantissa proverbiorum). Ed E. L. Leutsch et G. G. Schneidevin. Hildesheim.
- Litvin, F. A. 1984: *Mnogoznachnost' slova v yazyke i rechi* [*Word's polysemantics in the language and speech*]. Moscow: Vyschaja Shkola.

⁸ На ошибочность толкований паремиографов указывается в статье Д. О. Торшилова о мифологии в паремиях (Torshilov 2016: 151).

- Литвин, Ф. А. 1984: Многозначность слова в языке и речи. М.: Высшая школа.
- LSJ – Liddell, H. G.; Scott, R.; Jones, H. S. 1996: *A Greek-English Lexicon. With a Revised Supplement*. 9th ed. Oxford: CP.
- Maslova, V. A. 1997: *Vvedenie v lingvokul'turologiyu [Introduction to Cultural Linguistics]*. Moscow.
- Маслова, В. А. 1997: *Введение в лингвокультурологию*. М.
- Melerovitch, A. M., Mokienko A. M. 2008: *Semanticheskaya struktura frazeologicheskikh edenits sovremennogo russkogo yazyka [Semantic structure of phraseological units of modern Russian language]*. Kostroma: KGU of N. A. Nekrasov.
- Мелерович, А. М., Мокиенко В. М. 2008: *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка*. Кострома: КГУ имени Н. А. Некрасова.
- Russo, J. 1983: The Poetics of the Ancient Greek Proverb. *Journal of Folklore Research*. Vol. 20, No. 2/3, Special Dual Theme Issue: Verbal Folklore of Ancient Greece and French Studies in Oral Literature (Jun. – Dec.), 121–130.
- Strömberg, R. 1954: *Greek proverbs*. Gothenburg: Wettergren & Kerber.
- Shuvalova S. A. 1998: [«My» and «Foreign» in Russian proverbs]. *Russkaya Rech [Russian speech]*, 5, 45–51.
- Шувалова С. А. 1998: «Свое» и «чужое» в русских пословицах и поговорках». *Русская речь*, 5, 45–51.
- Telia V. N. 1996: *Russkaya frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty [Russian Phraseology. Semantic, pragmatic and linguistics' cultural aspects]*. Moscow.
- Телия В. Н. 1996: *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. М.: ЯРК.
- Teperik, T. F. 1985: [The terminological nature of the word gnome in Aristotle's «Rhetoric»]. In: *Antichnaya kul'tura i sovremennaya nauka. [Ancient culture and modern science]*. Moscow. 151–164.
- Теперик, Т. Ф. 1985: Терминологический характер слова gnome в «Риторике» Аристотеля. В сб.: *Античная культура и современная наука*. М. 157–160.
- Torshilov, D. O. 2016: [Mythological names in ancient Greek proverbs]. In: *Shagi/Steps*. Т. 2 № 2–3, 151–164.
- Торшилов, Д. О. 2016: Мифологические имена в древнегреческих паремиях. В сб.: *Шаги/Steps*. Т. 2 № 2–3, 151–164.
- Yurina E. A. 2008: [Lexical and phraseological field of food meanings in Russian and Italian languages]. *Yazyk i kultura [Language and culture]*, 3, 83–93.
- Юрина Е. А. 2008: Лексико-фразеол. поле кулинарных образов в русском и итальянском языках. *Язык и культура*. 3, 83–93.
- Zabudskaya, Y. L. 2009: [«An ox is treading on my tongue»: phraseology in source-text and in translation]. *Indoevropskoe vazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 13, 184–188.
- Забудская, Я. Л. 2009: «Стал бык на язык»: фразеологизмы в оригинале и в переводе. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 13, 184–188.